

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-го**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

СВИНЦОВАЯ ВОЛЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Свинцовая воля / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205741-0

В послевоенном Ярославле неспокойно. В местном сельпо убита продавщица и находившаяся там покупательница. Чуть ранее зверски зарезан пожилой мужчина, обезглавленный труп которого убийцы сбросили в выгребную яму. Чтобы прекратить кровавый беспредел, оперативники внедряют в банду лейтенанта угро Илью Журавлева. Ему удастся войти в доверие к главарю и выведать, что в ближайшее время готовится ограбление железнодорожного вагона с дорогими мехами. Подходящий случай, чтобы накрыть сразу всю шайку. Илья спешит сообщить о предстоящем деле своим, не подозревая, что сам уже давно «на крючке» у головорезов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205741-0

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Первая послевоенная весна не была похожа на прежние. Лизе казалось, что воздух наполнен нежной хрустальной свежестью, пронизан тонкими ароматами цветущих деревьев, — она дышала и никак не могла им надышаться. И было удивительно, что на старых развалинах взорванного при вражеском налете авиабомбой пятиэтажного дома неведомо каким чудом пробился слабый росток голубенькой фиалки с золотистым сердечком возле тычинок.

Лиза остановилась и залюбовалась им, как будто после долгой разлуки вдруг встретила близкую подругу. Глядя восторженными глазами на робкий цветок, девушка вдруг с горечью подумала о том, что фиалку могут затоптать. С этой минуты ей не стало покоя. Худенькая, с нескладной фигурой, она была похожа на подростка, Лиза в свои семнадцать лет сполна испытала адские муки военной поры, которые не каждому взрослому под силу выдержать. Она по себе знала, насколько хрупка человеческая жизнь: а тут всего лишь обычный цветок на

ломком стебельке. Мучительно больно было даже мысленно представить, что цветок может запросто пострадать от людской черствости, и она тщательно обложила его камнями. Расставаться с первой увиденной этой весной фиалкой все равно не хотелось, но Лиза торопилась на работу.

— Я вернусь, — вслух пообещала девушка и испуганно оглянулась, чтобы кто-нибудь из случайных прохожих не подумал, что она тронулась умом, раз разговаривает с неодушевленным предметом. — «Ну и пускай», — сейчас же решила Лиза и нарочито нахмурила белесые брови, плотно поджала шелушившиеся от сухости тонкие губы, за которыми прятались слегка кривые мелкие зубы, начавшие заметно крошиться от постоянного недоедания и отсутствия витаминов. — «Ну и пускай! — капризно повторила она и сердито топнула тонкой ногой в обвислом коричневом чулке. — Мне-то что от этого?»

Лиза в последний раз бросила ласковый взгляд на фиалку и резво побежала к магазину «Продукты», где с недавних пор работала продавщицей. Громко стуча по выбитому серому асфальту твердыми каблуками тяжелых башмаков, придерживая развевающиеся полы старенького материного пиджака, она бережно держала авоську со своим скудным обедом: аккуратно завернутый в пожелтевший от времени клочок газеты «Правда» подсохший кусочек ржаного хлеба и полбутылки козьего молока, тщательно заткнутой самодельной газетной пробкой. (Молоко мать третьего дня выменяла

на базаре на самосад, несколько фунтов которого у нее хранилось еще с довоенной поры.)

Продуктовый магазин располагался в старинном двухэтажном особняке на углу улиц Интернациональной и Базарной. До революции дом принадлежал купцу первой гильдии Аносову. Первый этаж обширного особняка был добротнo выстроен из красного прочного кирпича, второй же был надстроен из могучих дубовых бревен. Сейчас в этом основательном строении, которое уцелело даже под ожесточенными бомбежками немецкой авиации и которое, по всему видно, простоит еще не один век, были устроены коммунальные квартиры. В них проживали рабочие и простые служащие Страны Советов.

Сам магазин занимал небольшое помещение на первом этаже, где купец когда-то держал торговую лавку. Здесь и сейчас на окнах были кованые решетки, а располагавшаяся с торца входная дверь из толстого железа выглядела громоздкой, как у бронированного сейфа. Тем не менее она открывалась с невероятной легкостью и без малейшего скрипа, поскольку петли были от души смазаны вонючим солидолом, который хозяйственная Лиза раздобыла у одного военного шофера, выменяв на шкалик водки.

— Здравствуйте, баба Мотя, — звонко поприветствовала она пожилую дворничиху, заметив ее согбенную фигуру в сером линялом халате, стоявшую у кучи собранного мусора, и быстро направилась в ее сторону, на ходу интересуясь: — Петр-то чего ваш пишет? Домой не собирается?

Женщина аккуратно высыпала содержимое совка в ржавое, изрядно погнутое ведро и оставила его там же. Держась за поясницу, с трудом разогнулась и со вздохом ответила:

— Обещает скоро приехать. А там кто его знает... — Губы у нее мелко-мелко задрожали, она вдруг всхлипнула и, вытирая кончиком платка повлажневшие глаза, негромко проговорила: — Который год жду, все глазоньки выплакала...

— Теперь-то чего реветь, — насупилась Лиза, которая слез не выносила по причине того, что всего лишь за один холодный мартовский прошлогодний месяц успела наглядеться столько ужасов и человеческих страданий, что их вид вызывал у нее отвращение. — Победу дождались, радоваться надо.

— Своего вот родишь, тогда узнаешь... — женщина опять всхлипнула, но уже заметно сдержаннее, — как они, детки-то, достаются. — Она из-под белесых ресниц окинула мокрыми глазами худенькую фигурку девушки, которая стояла напротив, от неловкости пиная мосластыми коленками авоську с обедом, и неожиданно улыбнулась: — Вот вернется мой Петька, я его на тебе женю... Пойдешь аль нет?

На острых скулах девушки выступил густой румянец, видный даже сквозь смуглую загорелую кожу. Она смущенно переступила с ноги на ногу, неопределенно пожала костлявыми плечами.

— Чего ж ты зарделась-то, как маков цвет? — спросила дворничиха, с любопытством наблюдая

за ее изменившимся лицом с ввалившимися в темные глазницы воспаленными от жизненных тягот большими глазами. — Аль тебе мой Петька не по нраву? У него и медаль «За отвагу» имеется, — не утерпела она, чтобы не похвастаться.

— Почему же это не по нраву, — неохотно разлепила спекшиеся губы Лиза, искоса поглядывая на будущую свекровь, как бы еще не вполне доверяя ее словам. — Видела я его фото... вполне себе симпатичный парень. Только вы шутите, баба Мотя.

— Ну, вот еще, — наигранно возмутилась повеселевшая дворничиха, — буду я шутить. С чего бы мне это... шутить. Я вполне отдаю себе отчет... о чем гуторю.

— Баба Мотя, — вдруг спохватилась Лиза и предложила: — А хотите я вас козьим молоком угощу?

— Что ты, милая, — поспешно отмахнулась женщина. — Пей сама. А то и так выглядишь как таловая тростинка, насквозь вся просвечиваешься. Мне-то особо торопиться некуда. Сейчас домой схожу, чайку попью и дальше за работу возьмусь. С самого спозаранку еще во рту маковой росинки не было. Ну, так что ты надумала по поводу моего Петьки? — все ж не утерпела женщина, чтобы еще раз не поддеть девушку, которая ей и вправду нравилась: дюже она уж характер имела доброжелательный и собой была очень душевная. — Идешь за него замуж, или мне надобно другую невесту ему приглядывать?

Лиза стрельнула на нее вспыхнувшими, словно просветленными глазами, затем потупилась и негромко призналась:

— Пойду... отчего не пойти... он у вас вон какой...

Но какой у нее сын, дворничиха так и не узнала, потому что девушка не договорила, внезапно сорвалась с места и прытко побежала к дверям магазина. Она торопливо поднялась по высоким дощатым ступенькам, вынула из кармана пиджака завернутый в носовой платок ключ и принялась зубами лихорадочно развязывать тугой узел. Руки у нее от волнения крупно дрожали, она даже пару раз уронила ключ, когда пыталась отомкнуть увесистый амбарный замок.

— Ох, уж эта баба Мотя, — хрипло бормотала Лиза, — придумает такое!.. Все бы ей шутить!.. Тоже мне, сватья нашлась!.. Мне и восемнадцати нет, чтоб... замуж выходить!.. Ой, и насмешница... прямо каких поискать!.. Его еще надо дожидаться!.. А потом... потом видно будет!.. Я, конечно, не против... Кто ж будет против того, чтобы замуж выйти?! Беда прямо с этой бабой Мотей!..

Дворничиха еще немного постояла, наблюдая насмешливым взглядом за суетливыми движениями девушки, затем, дождавшись, когда она наконец-то отомкнет замок и скроется в помещении магазина, протяжно вздохнула и сокрушенно покачала головой.

— Беспокойная нынче молодежь пошла, — произнесла она вполголоса, тепло улыбаясь одни-

ми глазами. — Слова им не скажи, разом вспыхнут... как будто полымем их област.

Она подняла полное мусора ведро, и, согнувшись под его тяжестью на одну сторону, не спеша направилась к парадному подъезду двухэтажного особняка, где занимала одну из небольших комнат в коммунальной квартире. Оставив ведро и метлу в крошечной пристройке для хранения хозяйственного инвентаря на первом этаже, дворничиха, держа за облупленные от краски перила, поднялась к себе. На общей кухне женщина поставила на старенький керогаз свой основательно закопченный алюминиевый чайник с погнутым носиком. Сев за угловой шаткой столик, накрытый облезлой клеенкой с некогда желтыми, а теперь мутными подсолнухами, она уронила тяжелые, раздавленные многолетней работой руки на колени и стала терпеливо дожидаться, когда он закипит.

Тем временем Лиза влетела в магазин, быстро закрыла за собой дверь, плотно прижалась к прохладному металлу спиной и потным затылком. Она чувствовала, что сегодня сердце билось у нее не как всегда, а трепыхалось испуганным воробышком, нечаянно угодившим в силки, готовое в любую секунду выпрыгнуть из ее тщедушной грудной клетки с двумя небольшими выпуклостями вместо полноценных грудей, которые бывают у настоящих женщин.

«Это ничего, — тотчас подумала она, — я еще юная и не набралась соку. Да и еда скудная. А вот выйду замуж, так и у меня груди вырастут».

Она счастливо засмеялась, порывисто откатила от двери и, оставив авоську с обедом на табурете, пробежала за прилавок, где в простенке между пыльными окнами был кое-как прикреплен ржавыми гвоздями небольшой осколок зеркала, недавно найденный ею в разрушенном авиабомбой частном доме. Лиза знала, что держать у себя и тем более глядеться в осколок ни в коем случае нельзя, чтобы не притянуть к себе все мыслимые и немыслимые несчастья, но поделаться с собой ничего не могла, потому что молодость неумолимо предъявляла свои права, и с этим приходилось мириться.

Перед зеркалом Лиза немного погримасничала, внимательно оглядывая свое некрасивое лицо с разных ракурсов, как бы оценивая его со стороны.

— Фи! — сказала она вслух, разочарованно наморщила веснушчатый носик и показала себе кончик языка, затем быстро надула щеки. — И чего это баба Мотя во мне такого нашла, — пожалала она плечами. — Разве волосы густые да волнистые, — с сомнением невнятно произнесла девушка, держа в зубах шпильки и ловко забирая свою пышную рыжую шевелюру под светлую косынку. — Ну, точно, — решила Лиза, — сама-то она седая как лунь.

Справившись с волнением, она переделалась в старенький халат, который от бессменного ношения давно потерял свой изначальный белый цвет. Облезлый от стирки, с мутными желтыми разводами, он тем не менее выглядел довольно добротным: чистый, старательно заштопанный, с аккуратными заплатами в сильно порванных местах. Все

это было делом заботливых рук хозяйственной, домашней Лизы, с особой тщательностью следившей за надлежащим видом своей рабочей одежды, чтобы не было стыдно перед покупателями.

Сегодня же, взглянув на себя в зеркало, Лиза неожиданно впервые подумала о том, что она выглядит в своем халате очень важно, как настоящий врач. Эти ее несвоевременные мысли, по всему видно, были навеяны словами бабы Моти о ее замужестве, потому что дальше Лиза подумала о том, что после свадьбы она обязательно должна выучиться на фельдшера.

Воодушевленная внезапным порывом приобрести медицинскую профессию, которая ни в какое сравнение не идет с профессией обычного продавца, Лиза в своих мыслях пошла еще дальше. Она уже видела себя под ручку с Петром, дослужившимся до звания самого главного генерала, и в окружении множества красивых ребятешек, как вдруг от приятных дум ее отвлек бодрый женский голос, мигом вернув на грешную землю.

— Лизонька, здравствуй, дорогая!

Девушка от неожиданности вздрогнула, как будто ее внезапно уличили в потаенных нехороших мыслях. Она резко обернулась и торопливой походкой подошла к прилавку. Смущаясь от неловкости, суетливым движением обмахнула хозяйственной тряпкой и без того чистый прилавок и, должно быть, не зная, чем далее себя занять, принялась с натянутой улыбкой смахивать невидимые соринки с дубовой разделочной доски. Затем несколько раз с места

на место бесцельно переложила широкий нож для резки колбасы и лишь тогда несмело подняла глаза, чтобы поглядеть в лицо первой покупательнице.

Это была невысокая коренастая женщина в розовой мятой шляпке, с цветастым шелковым платком, с нарочитой небрежностью обмотанным вокруг короткой шеи. Одутловатое лицо пожилой женщины было сильно напудрено, а морщинистые, жестко поджатые губы ярко накрашены в виде алого сердечка, над выемкой которого отчетливо виднелась из-под пудры темная щеточка усиков. Темно-синее платье с рукавами «фонарик», которое, по всему видно, давно уже не надевалось, тесно облегалo ее сбитую приземистую фигуру. На согнутой в локте руке, густо испятнанной коричневыми старческими родинками, женщина гордо держала плетеную из ивы небольшую корзинку. Это была жена профессора Серебрякова, домохозяйка Нина Васильевна.

— Дорогуша, — обратилась она к Лизе хриплым прокуренным голосом, внимательно оглядывая полупустые полки с товаром, — взвесьте мне, пожалуйста, двести граммов докторской колбасы, еще присовокупьте пару баночек кильки в томатном соусе, два коробка спичек и пачку соли. Думаю, этого хватит... Знаете ли, как-то трудно зато сейчас с деньгами... даже профессорской семье. Лизонька, вы меня, надеюсь, понимаете, как никто другой. Кстати, папа не пишет? Как он там, на фронте?

— Папа... уже не напишет, — тихо ответила Лиза, и ее расторопные до этого движения замед-

лились; она протяжно всхлипнула и, торопливо подтянув пальцами воротник халата к лицу, промокнула мокрые глаза. — Немного он не дожид до нашей победы...

— Прости, дорогая, я не знала. Ради бога. — Женщина с виноватым видом приложила руку к своей пышной груди. — Мои соболезнования...

По худощавому лицу Лизы пробежала похожая на улыбку судорога. Она опустила глаза, покусывая губы, завернула колбасу в серую плотную бумагу и все так же, не поднимая глаз, подала покупательнице.

— Пожалуйста.

— Спасибо, дорогуша.

Женщина аккуратно сложила купленный товар в корзинку, вновь повесила ее на согнутую руку и медленно пошла от прилавка.

Из-под опущенных ресниц Лиза видела ее толстые ноги с деформированными шишками у больших пальцев, обутые в растоптанные сандалеты. Они еще не перешагнули порог магазина, как появилась другая пара ног. Они, по всему видно, принадлежали очень стройной и высокой молодой женщине, потому что нижняя кромка платья заканчивалась выше круглых коленей, а икры ног были узкие, плотно обтянутые тонкими ажурными чулками. Дробно стуча каблуками модных туфель, красивые ноги приблизились к прилавку.

— Девушка, — услышала Лиза приятный голос новой покупательницы и, заранее доброжелательно улыбаясь, подняла глаза. Увидев до ужаса знакомое

холеное лицо, она заворуженно уставилась на него немигающим испуганным взглядом, словно у нее тотчас парализовало силу воли, сделала судорожно-глотательное движение и едва слышно произнесла:

— Оберауфсехерин...

* * *

Разомлевшая дворничиха сидела за столом и попивала чай, бережно держа блюдце на растопыренных пальцах. Ее очерствелые от повседневной работы кончики пальцев совсем не чувствовали крутой кипяток, которым она привычно заваривала обыкновенный иван-чай из-за отсутствия настоящей заварки. Доставшееся от покойной матери блюдце с золотистой каемкой было настолько древнее, что его испещренная темными трещинами поверхность была похожа на ажурную паутину. Баба Мотя очень дорожила блюдцем как памятью о погибшей под авианалетом матери и относилась к блюдцу с почтением, словно к одушевленному предмету, и даже не раз ловила себя на том, что мысленно с ним разговаривает.

— Полундра! — вдруг раздался за спиной женщины громкий мужской голос и резко оборвался, потому что его носитель тотчас принялся надрывно кашлять, с жутким свистящим хрипом выпуская воздух из простреленных легких.

Это выполз из своего тесного, провонявшего мочой и потом кубрика сосед бабы Моти, безногий инвалид Вася — морская душа, привычно страдавший от сильного похмелья. Прислонившись широ-

кой спиной в грязной тельняшке к дверному косяку, он вздрагивал своим обрубок мускулистого тела, неистово мотал головой, размахивал седым, мокрым от пота длинным чубом, страшно скрипел зубами до крошева во рту. Немного поутихнув, бывший матрос с катера «Неустршимый» вытер подолом тельняшки окровавленные губы и безмятежно улыбнулся, заметив сидевшую за столом пожилую соседку.

Ловко опираясь на костяшки крепко сжатых в кулаки пальцев, он проворными движениями, схожими с движениями орангутангов, приблизился к женщине. Снизу заглядывая в ее глаза, умоляющим голосом, в котором угадывалась невыносимая скорбь, жалость ко всей своей испоганенной войной жизни, беспросветная мука, ждущая его еще впереди, попросил:

— Баба Мотя, дай выпить. Я же знаю, что у тебя есть. Знаю, что сейчас скажешь, что ты ее блюдешь для настойки. Не дай подохнуть... боевому краснофлотцу. А я тебе потом отработаю... Я же сапожник, каких поискать.

— Василий, — болезненно морщась, подобному, с душевной теплотой в голосе ответила сердобольная женщина, — бросай ты пить. Как сына прошу... Ты же молодой еще... У тебя вся жизнь...

— Не надо, баба Мотя, — скривил он исхудавшее лицо со впалыми, давно не бритыми щеками и вдруг горько заплакал, как маленький, выдувая изо рта слюнявые пузыри, размазывая ладонью с отсутствующим мизинцем по лицу обильные

слезы, — ничего не говори. Нет у меня теперь жизни... Нет! — громко выкрикнул он и со всей силы ударил по полу кулаком. — Кончилась моя жизнь, на фронте она осталась. А теперь я только существую... как старый никому не нужный лапоть.

— Василий, не надо так убиваться, — принялась привычно успокаивать расквасившегося фронтовика женщина, поглаживая свободной рукой по его мослаковатому плечу, украшенному синей наколкой морского флага и якоря, — не надо отчаиваться. У Лизки вон отца вообще убили...

— Да лучше бы меня убили, чем жить... самоваром! — воскликнул несчастный Василий. — Все равно горевать по мне некому. Брат с отцом погибли, мать фашисты повесили за связь с партизанами, сеструху изнасиловали, а потом тоже застрелили. Один я остался! Один как перст!

В этот не самый подходящий момент внезапно и донесся снизу, где находилось помещение магазина, истошный пронзительный визг, полный ужаса и отчаяния.

Такого звука не выдержал даже много чего повидавший фронтовик Вася — морская душа; он поспешно зажал уши ладонями и истоиво замотал головой, вновь заскрипев желтыми здоровыми зубами, которых еще не успели коснуться кариес и авитаминозное разрушение.

— Что такое? — заполошно вскричала баба Мотя, от неожиданности выронив из ослабевших пальцев драгоценное для души блюдце. — Никак Лизка кричит?!

Дворничиха умом понимала, что надо было бы незамедлительно спуститься вниз, посмотреть, что там происходит, но ноги вдруг отказались подчиняться. Она только и смогла, что молча наблюдать ошалелыми от страха глазами, как, кувыряясь в воздухе, расплескивая по сторонам чай, будто в замедленной съемке, падало блюдо. Оно без единого звука ударилось о пол и все так же, не издав ни малейшего шума, разлетелось на множество острых осколков.

И только тут в груди у дворничихи чувствительно екнуло сердце, которое как будто все это время не работало, и женщина вдруг ощутила в ногах достаточную силу, чтобы проворно вскочить с табурета. Она ловко, совсем не ожидая от себя подобной прыти, перепрыгнула через сидевшего на полу в скрюченной позе Василия и побежала вниз, держась за поручень.

Вбежав с улицы в магазин, баба Мотя застыла в дверях, даже не переступив порога. Вытаращенными от ужаса глазами она разом охватила залитое кровью помещение, ноги ослабли. Содрогаясь от увиденного, женщина вцепилась в дверную ручку, чтобы не упасть.

Со своего места баба Мотя объемно, словно в фокусе, видела лежавшую за прилавком в луже крови Лизу. У девушки было настолько сильно разбито лицо, что ее невозможно было узнать, а выбившиеся из-под платка пышные волосы окровавленными косматыми охвостьями были разбросаны по полу вокруг алой от крови головы. Перед самой смертью Лиза, очевидно в предсмертных муках,

крепко царапала пол, потому что под сломанными ногтями вытянутых рук сохранилась краска. Полы рабочего халата при падении юной продавщицы завернулись, бесстыдно выставив на обозрение ее тонкие лодыжки с синими прожилками вен. Но страшнее всего было видеть в ее еще не сформировавшейся груди воткнутый по самую рукоятку широкий кухонный нож.

Посреди зала, неловко подвернув под себя правую руку, навалившись боком на опрокинутую кошелку с товаром, лежала знакомая покупательница, жена профессора Серебрякова. Она, по всему видно, была забита разделочной доской, потому что окровавленная доска валялась неподалеку от разбитой головы, а левый выбитый глаз висел на белой лицевой мышце возле оторванного уха.

И над всей этой ужасной кровавой картиной, как маятник метронома, медленно раскачивалась под потолком на длинном проводе засиженная мухами пыльная слабая двенадцативольтная лампочка.

Лицо бабы Моти в короткий миг сделалось бледным как мел, и она трясущимися синими, словно у утопленника, губами дико заголосила:

— Убили-или-и! Людей добрых убили-или-и!

ГЛАВА 2

— Илюша! Илюша-а! — сквозь непрерывный шорох дождя за окном вдруг коснулся чуткого слуха Журавлева ласковый материнский голос, как